

Не ради выигрыша играем — валяем дурака!

Елена КУЗНЕЦОВА

Александр Гуревич известен большинству зрителей, прежде всего, как ведущий воскресной программы «Сто к одному». Однако эта передача — далеко не все, чем радует зрителя Александр Гуревич: ведь именно ему мы обязаны появлением таких замечательных игровых телепроектов, как «Сам себе режиссер» и «Своя игра», а в недалеком прошлом — «Устами младенца» и «Два рояля». Насколько азартен человек, придумывающий игры? По какому принципу подбираются участники «Своей игры»? Часто ли ведущий им подсказывает? Об этом нам рассказал сам Александр Гуревич.

Помню, в детстве и моя мама, и мамы моих одноклассников устраивали нам на дни рождения развлечения, и мы никогда не сидели без дела и не мутузили друг друга подушками — помимо тортов, были шарады, викторины, игры. У меня от этого сохранились невероятно теплые воспоминания. Мне бы хотелось, чтобы и в моей программе была такая атмосфера

этой программы. Если же мы ее сильно изменим, будет скандал. Но все равно наши программы сильно отличаются от исходных аналогов. К примеру, «Своя игра» от изначального «Джеспарди».

— Вы отслеживаете то, как зритель эти перемены воспринимает? К примеру, смену призовой системы в «Своей игре»?

— О каких-то вещах мы знаем заранее. Вот нам говорят: в конце прошлого года «Своя игра» была гораздо интереснее, чем сейчас. На что мы отвечаем: помилуйте, это же был финал, тогда в играх принимали участие самые сливки — игроки такого класса, как Друзь. А сейчас у нас только начало цикла. И с призами — то же: как только первый игрок выиграл машину, сразу всем стало интересно. Кстати, когда придумали приз «21 кг денег», зрители тоже роптали, мол, что это такое, а потом привыкли, и им это даже стало нравиться.

— А «Сто к одному» — лицензионная игра?

— Да. В Британии она называется Family Fortunes, а в Америке Family Feud.

— То есть там это семейная игра?

— Конечно, потому что на Западе семьи большие, им легко прийти в составе папы, мамы, троих детей и бабушки — этаким Мальвины с голубыми волосами, но бодрой и в розовых шортах. У нас, к сожалению, таких старушек нет.

— Поэтому у нас соревнуются не семьи, а преимущественно трудовые коллективы?

— Кстати, самая интересная игра, которую я видел в западных вариантах, была не семейная — там монахи играли против монахинь. И это было супер — хохот, шутки, веселье, они позволяли себе такие вещи, о которых я и подумать не мог.

— Раз это было так здорово, почему бы вам не позаимствовать эту идею?

— Можно было бы попытаться, просто руки до этого еще не дошли. Я думаю, что и у нас есть священнослужители легкие и остроумные.

— Откройте тайну: по какому принципу подбираете игроков?

— В основном они приходят сами. Поначалу, когда программы еще никто не знал, мы набирали соседей, родственников и знакомых, а сейчас вот выстроилась очередь. Здесь же нет такого принципиального отбора, как в «Своей игре», — там этим занимаются специальные редакторы. Я, к примеру, был бы не в состоянии оценить игроков — думаю, не смог бы играть даже с теми, которых отбраковали, потому что они все равно моментально меня победят. А в «Сто к одному» проти-

вопоказание одно — запрещено брать в игру человека, который при виде камеры пугается до обморока.

— У вас существует форма рекламного участия. Вот играет команда из компании такой-то — чем не пиар?

— Бывает, что приходят и говорят: мы хотим, чтобы было написано название нашей фирмы на майках и кепках. Тогда мы объясняем, что не вправе распоряжаться рекламными возможностями телеканала и на все существуют расценки — можно написать название фирмы хоть на полу, можно надеть кепки с ее логотипом, но тогда все это должно оплачиваться, как рекламная акция. Мне-то все равно, то ли они просто в кепках, то ли в кепках с надписью своей компании — это же не мешает игре. Думаю, что и зрителям тоже.

— То, что вы стали ведущим «Сто к одному», — ваше собственное желание?

— Началось все с «Устами младенца», я тогда был режиссером программы и режиссером компании. Главным. Мы очень долго отбирали претендентов на роль ведущего. Когда же пришли люди, которые руководили нашей компанией, и посмотрели, кого мы отобрали, они остались страшно недовольны. В итоге они ткнули пальцем в меня и сказали буквально, что «поскольку завтра съемка, студия проплачена, а декорации покрашены и поставлены, рубашку и галстук дадим — будешь вести передачу, потому что хуже уже не будет, но ты свой — тебе хотя бы не надо будет платить». Так я стал ведущим.

— Ну а когда все уже знали, как вы сами ведущий, то вести «Сто к одному» предложили именно вам...

— Да это было практически самоназначение. Мы сделали несколько проб для «Сто к одному», и, кстати, неплохих, но мне так хотелось вести эту программу самому, что я и стал вести ее сам.

— А, кстати, почему прикрыли «Устами младенца»?

— В какой-то момент канал сказал, что передача уже много лет в эфире, она уже надоела, и надо придумать что-то новое. А мы не придумали, и на мировом рынке нет больше такого рода проектов — есть просто детские программы типа «АБ-ВДейки» или нашего российского изобретения про Хрюшу и Степашку — прекрасные зрелища, но исключительно для детей. А «Устами младенца» хороша тем, что была интересна всем — дети хотели над взрослыми, бабушки с дедушками умилялись, родители веселились.

— Вы частенько иронизируете над игроками, но делаете это по-доброму. Бывает все-таки, что кто-то из них вызывает антипатию?

— Бывает, конечно. И дома меня как раз за это всегда ругают и говорят, что это свинство не скрывать своего отношения. Я же выхожу и вижу их всех в первый раз. Была как-то у нас мысль знакомиться с участниками заранее. Но оказалось, что интересен как раз момент этого первого взгляда, знакомства с участниками. И вот когда игра только начинается, открываются двери, мы видим друг друга впервые и... либо все начинает складываться, либо что-то дзынь — и мы друг на друга налетаем.

— А что может не понравиться — отсутствие чувства юмора, что-то не то в поведении?

— Вижу, что не нравятся шутки друг друга. То есть чувствую, что мои шутки раздражают или наоборот — человек что-то такое сказал, а меня начинает клинить, и совершенно не хочется над ним шутить. Но иногда это хорошо для передачи — появляется другой звон. Только очень важно, чтобы это было дозировано, потому что передача веселая и под воскресный утренний кофе, а если мы там будем так недобро звенеть сквозь очки, будет нехорошо. Несмотря на то, что я ГИТИС закончил, я резонёр, я не актер по природе, и перевоплощения у меня не происходит — я всегда остаюсь самим собой. Тем себя и успокаиваю — я отношусь к людям так, как я к ним отношусь.

— А, кроме этого, какие-то сложности возникают на съемках программ?

— Нет. Я честно скажу — я сейчас получаю невероятное удовольствие от процесса съемок «Сто к одному».

— Но снимается же по несколько передач подряд. Не утомительно?

— Это бывает не очень часто, потому что 90% рабочего времени в году я занимаюсь не передачей «Сто к одному». Все остальное может быть тяжело, а вести «Сто к одному» — праздник.

— А вы сами смотрите свои передачи?

— Когда попадаю, смотрю. И удивляюсь. Когда удачно, радуюсь, даже смеюсь. Но бывает неловко и даже хочется под стол залезть.

— Имидж весельчака и шутника — для вас это работа над собой или естественное состояние?

— Любый публичный человек может рассказать с десяток историй, в каких тяжелых обстоятельствах ему приходилось вести веселые программы. Это жизнь, это нормально. Если не говорить о совсем грустных событиях, усилил специальных я не прилагаю. Мне и вправду весело и интересно.

— Бывает, что вы подсказываете тем, кому симпатизируете?

— Бывает. И ни от кого этого не скрываю. Когда в течение года разыгрывается 21 килограмм денег, как в «Своей игре», ведущий не имеет права никому подсказывать. У нас же — смешно сказать — главный приз составляет 20 тысяч рублей. Это деньги, конечно, но если посмотреть с другой стороны — это ведь главный приз для пяти игроков, которые приехали, допустим, из Архангельска. Не берусь даже

ИГОРЬ ЗАРИТОНОВ

посчитать, окупят ли они поездку. В общем, не ради выигрыша играем — валяем дурака.

— А что, и из Архангельска приезжают?

— Редко, но бывает. Вот нам уже давно звонят люди из Северо-Кавказского региона — хотят поиграть. И мы с удовольствием их приглашаем.

— В игре должны угадываться самые распространенные варианты ответов. Сложно, по-вашему, отгадать массовые версии?

— Самое главное — это детское ощущение вовлеченности в процесс. Мне очень понравилась программа, которая у нас была на 8 марта. Были «Дочки-матери» — замечательные актрисы и их дочки. Я получил огромное удовольствие от процесса съемок. Обычно мы снимаем час, а тут я заболтался, и снимали полтора часа — было весело, мы хохотали, и надо сказать, что и мамы и дочки не пытались что-то угадывать. Просто получали удовольствие от игры. Я помню, в детстве и моя мама, и мамы моих одноклассников устраивали нам на дни рождения развлечения, и мы никогда не сидели без дела и не

мутузили друг друга подушками — помимо тортов, были шарады, викторины, игры. У меня от этого сохранились невероятно теплые воспоминания. Мне бы хотелось, чтобы и в моей программе была такая атмосфера.

— Вы вообще-то азартный человек?

— Этот вопрос я ненавижу и отвечаю на него всегда однозначно — нет. Но, опять же, дома меня за это ругают и говорят, что человек, который на вопрос «азартны ли вы» отвечает «нет», производит впечатление скучного человека, и так отвечать нельзя. Но это факт — азартные игры мне не приносят никакого удовольствия.

— Кроме телевидения, что вас еще в жизни занимает?

— Меня очень занимает моя дочь Маша. Сейчас ей 12. Когда ей было года два, я уже перестал просто умиляться и стал общаться с ней на равных, о чем-то договариваться, выстраивать взаимоотношения. Приходится соответствовать.

— Вы говорили о том, что дома вас за что-то ругают, порой критикуют. Дом — это кто?

— Это жена Гая и дочка Маша. Еще у нас живет волнистый попугай. Но он — идиот. Зеленый, пугливый, не разговаривает.

— Так уж сразу и идиот?

— Просто у меня был раньше попугай, и вот он был очень умный — разговаривал, ходил, как курица, по дому, ел мои тетрадки, садился гостям на голову, гадил им на плечи — в общем, был отличный и общительный. А этот не вылезает из клетки, не разговаривает, поэтому плохой.

— А хвалят вас дома за что-нибудь?

— Да за все. Да и ругают-то — это не ругают... слова не подберешь... Хвалят за то, что я делаю что-то полезное... Я ведь полезный член общества — могу многое делать своими руками. Вообще я только две вещи ненавижу лото, до состояния ступора: первое — ходить по магазинам. Даже если магазин пустой и в нем всего один милый продавец и замечательные товары, которые с ходу можно купить, я это воспринимаю, как тяжелый труд. И второе — это мыть посуду. Я могу пылесосить, мыть пол, но мыть посуду — это исключено.